

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки/ специальности)

Уголовно-правовой

((направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Основания и порядок производства обыска и выемки»

Обучающийся

Д.В. Салмин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

К.А. Корчагина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность данной темы исследования обусловлена фундаментальной ролью, которую институты обыска и выемки играют в системе уголовного судопроизводства России.

Эти следственные действия, с одной стороны, являются незаменимым инструментом получения вещественных доказательств и документов, без которых невозможно раскрытие и расследование значительного числа преступлений, а с другой стороны, они представляют собой наиболее интрузивную форму государственного принуждения, сопряженную с прямым ограничением конституционных прав личности на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и имущественную неприкосновенность.

Эта двойственность порождает постоянный поиск баланса между интересами эффективного уголовного преследования и незыблемостью прав человека.

Целью исследования является комплексный уголовно-процессуальный анализ оснований и порядка производства обыска и выемки в уголовном процессе России, а также разработка на его основе научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Степень разработанности темы исследования. Тема работы разрабатывалась в трудах различных исследователей. Стоит выделить работы таких специалистов как: Б.Т. Безлепкин, А.М. Зимин, Н.А. Иванов, Е.Р. Россинская, А.П. Рыжаков, С.А. Шейфер и других.

Структура работы определена целью и задачами исследования и включает три главы, последовательно раскрывающие понятийный аппарат и основания действий, их процедуру, а также роль специальных знаний, что позволяет обеспечить целостное и системное представление о предмете исследования.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Процессуальные основы производства обыска в уголовном процессе России	7
1.1 Понятие, основания и виды производства обыска	7
1.2 Общие положения подготовки и производства обыска	14
Глава 2 Процессуальные основы производства выемки в уголовном процессе России	23
2.1 Понятие и основания производства выемки	23
2.2 Особенности подготовки и производства выемки.....	27
Глава 3 Применение специальных знаний при производстве обыска и выемки	33
3.1 Специалист в производстве обыска и выемки	33
3.2 Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве обыска и выемки ..	38
Заключение	43
Список используемой литературы и используемых источников	48

Введение

Актуальность исследования. Актуальность данной темы исследования обусловлена фундаментальной ролью, которую институты обыска и выемки играют в системе уголовного судопроизводства России, обозначенной в нормах действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [34] (УПК РФ).

Эти следственные действия, с одной стороны, являются незаменимым инструментом получения вещественных доказательств и документов, без которых невозможно раскрытие и расследование значительного числа преступлений, а с другой стороны, они представляют собой наиболее интрузивную форму государственного принуждения, сопряженную с прямым и непосредственным ограничением конституционных прав личности на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и имущественную неприкосновенность.

Эта двойственность порождает постоянный поиск баланса между интересами эффективного уголовного преследования и незыблемостью прав человека.

Особую остроту этой проблеме придают вызовы современности. Стремительная цифровизация всех сфер жизни привела к тому, что ключевые доказательства все чаще существуют в электронной форме, что требует адаптации традиционных процедур обыска и выемки к современным реалиям общественного и технологического прогресса.

Одновременно с этим, правоприменительная практика сталкивается с такими сложностями, как: формальный подход к основаниям производства следственных действий со стороны правоприменителя, ошибки в процессуальном оформлении результатов, недостаточное использование специальных знаний в соответствующей сфере, что влечет за собой риск признания полученных доказательств недопустимыми и так далее.

Целью исследования является комплексный уголовно-процессуальный анализ оснований и порядка производства обыска и выемки в уголовном процессе России, а также разработка на его основе научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- провести сравнительный анализ научных подходов к определению понятий «обыск» и «выемка», выявить их сущностные признаки и критерии разграничения.
- исследовать систему фактических и юридических оснований производства обыска и выемки, проанализировать проблемы их установления и процессуального закрепления.
- раскрыть особенности процессуального порядка производства обыска и выемки, включая стадии подготовки, проведения и фиксации результатов.
- проанализировать роль специальных знаний в производстве обыска и выемки, в том числе особенности изъятия и исследования электронных носителей информации.
- на основе выявленных проблем сформулировать конкретные предложения по совершенствованию норм действующего уголовно-процессуального законодательства.

Объект исследования: общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства между участниками процесса при подготовке, производстве и процессуальном оформлении обыска и выемки.

Предмет исследования: нормы уголовно-процессуального права России, регламентирующие основания и порядок производства обыска и выемки; теоретические концепции и научные взгляды по проблематике исследования; материалы судебной и следственной практики; тактические рекомендации по организации и проведению данных следственных действий.

Методология исследования: исследование основано на широком комплексе частных и общих методов научного познания, которые позволяют достичь поставленных задач.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к анализу обыска и выемки с позиций их эффективности и соответствия современным вызовам, а также в разработке конкретных законодательных инициатив.

Степень разработанности темы исследования. Тема работы разрабатывалась в трудах различных исследователей. Стоит выделить работы таких специалистов как: Б.Т. Безлепкин, А.М. Зимин, Н.А. Иванов, Е.Р. Россинская, А.П. Рыжаков, С.А. Шейфер и других.

Структура работы определена целью и задачами исследования и включает три главы, последовательно раскрывающие понятийный аппарат и основания действий, их процедуру, а также роль специальных знаний, что позволяет обеспечить целостное и системное представление о предмете исследования.

Глава 1 Процессуальные основы производства обыска в уголовном процессе России

1.1 Понятие, основания и виды производства обыска

Общая характеристика обыска как одного из наиболее эффективных, но одновременно и наиболее интрузивных следственных действий, логично начать с формулирования его научнообоснованного определения.

В уголовно-процессуальной науке выделяются следующие подходы к трактовке данного следственного действия.

В одном из популярных классических учебников по уголовному судопроизводству обыск определяется «как следственное действие, направленное на отыскание и изъятие орудий преступления, предметов и ценностей, добытых преступным путем, а также других предметов и документов, которые могут иметь значение для дела. Обыск может производиться для обнаружения разыскиваемых лиц, а также трупов» [33, с. 327].

По мнению М.И. Еникеева, В.А. Образцова, В.Е. Эминова, «обыск следует рассматривать и как поисковое действие, и как проводимое в принудительном порядке обследование отдельных объектов и лиц с целью отыскания и изъятия предметов и документов, имеющих значение для дела, а также обнаружения разыскиваемых лиц и трупов» [9, с. 63];

А.М. Зимин считает, что «обыск – это следственное действие, содержанием которого является проводимое в принудительном порядке обследование помещений, сооружений, участков местности, одежды и тела отдельных лиц при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» [11, с. 87].

Анализ представленных авторских позиций позволяет констатировать, что в отечественной уголовно-процессуальной доктрине в целом сложилось единое понимание обыска как принудительного следственного действия поискового характера.

Непосредственно в тексте ст. 182 УПК РФ, посвящённой основанию и порядку производства обыска, не сформулировано общее нормативное определение данного следственного действия, что актуализирует формулирование такового на основе высказываемых в науке суждений.

Обобщая цитируемые подходы, можно синтезировать следующее определение: обыск – это регламентированное уголовно-процессуальным законом следственное действие, состоящее в принудительном обследовании помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств, одежды и тела человека, проводимое в целях обнаружения и изъятия орудий преступления, предметов, документов, ценностей, имеющих значение для уголовного дела, а также для розыска скрывающихся лиц или трупов.

Далее целесообразно обратиться к анализу оснований производства обыска. В научной литературе обоснованно выделяют фактическое основание и юридическое основание производства обыска, как следственного действия.

Как отмечают Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин и В.Н. Яшин, «фактическим основанием производства обыска, является наличие достаточных доказательств, дающих основание полагать, что в ходе конкретного следственного действия могут быть получены сведения о фактах, имеющих значение для дела» [4, с. 12].

«Достаточные данные – понятие оценочное, но под такими данными, как правило, понимаются сведения, которые содержатся в материалах уголовного дела и дают основания с большой долей вероятности предполагать, что искомые объекты могут находиться в конкретном месте» [25, с. 96] – указывается специалистами.

Таким образом, «фактическим основанием является наличие в материалах уголовного дела достаточных данных, дающих основание

полагать, что в определенном месте или у конкретного лица находятся искомые объекты» [29, с. 17].

Это, безусловно, оценочная категория, предполагающая, что следователь или дознаватель располагает информацией, позволяющей с высокой степенью вероятности ожидать положительный результат от производства данного следственного действия.

Что касается юридического основания, то оно по мнению А.П. Рыжакова находит своё отражение «в необходимости выполнения предусмотренных в законе действий, в обязательном порядке предшествующих проведению следственного действия» [29, с. 18].

Юридическое основание связано с соблюдением процедуры санкционирования данного действия. Общим правилом, проецируемым на любую следственную ситуацию, выступает вынесение постановления следователя. Однако, в отдельных следственных ситуациях, требующих с точки зрения законодателя создания дополнительных гарантий защиты прав личности, необходим судебный контроль за производством обыска, применительно к производству такового в жилище, что прямо вытекает из ст. 23 и ст. 25 Конституции Российской Федерации [15] (Конституция РФ) и конкретизировано в ст. 12 и ст. 165 УПК РФ. Такой порядок обусловлен тем, что обыск в жилище сопряжен с одновременным ограничением нескольких фундаментальных прав: на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну и гарантом адекватного, обоснованного и целесообразного вторжения в данную сферу может выступать лишь суд.

Если при производстве следственного осмотра, как сходного с обыском следственного действия, судебное санкционирование не обязательно в том случае, когда проживающие в данном жилище люди не возражают против его производства, то при производстве обыска, даже если жильцы аналогичным образом не чинят к тому препятствий и согласны на вторжение следователя и иных участников обыска в жилище, судебное решение всё равно обязательно.

Данное нормативное требование, как это верно подчёркивается в публикациях, есть результат повышенного внимания к созданию устойчивых гарантий реализации конституционных прав и свобод, что «предопределяет создание целостной системы гарантий реализации данных конституционных положений в ходе правоприменительной деятельности в уголовном процессе» [30, с. 33].

Исключительный порядок производства обыска в жилище без судебного решения (в ситуации, не терпящей отлагательства), предусмотренный ч. 5 ст. 165 УПК РФ, на практике нередко становится предметом судебных разбирательств и критики в научной литературе.

Как пишут Д.В. Наметкин, Д.С. Соколов и Е.В. Афанасьев, «на практике возникают случаи, когда следственные органы проводят обыски с последующими изъятиями в данных учреждениях, руководствуясь ч. 5 ст. 165 УПК РФ, как в исключительных случаях, не требующих отлагательства. В последствии такое следственное действие, протокол обыска, вещественные доказательства, изъятые в ходе его проведения, могут быть признаны и, как показывает практика, признаются недопустимыми доказательствами» [21, с. 545].

Поэтому с одной стороны, оперативное производство следственного действия может помочь достичь результатов, а с другой – остаётся риск утраты доказательств.

Отдельные специалисты, отмечают: «Не следует смешивать две процессуальные категории – основания производства обыска и случаи, не терпящие отлагательства. С одной стороны, наличие достаточных оснований само по себе не вызывает необходимости производства обыска в неотложных случаях. С другой – возникновение не терпящих отлагательства случаев не означает, что обыск может быть проведен без достаточных оснований, лишь в результате умозрительного вывода следователя. Для производства данного следственного действия необходимо, чтобы в материалах уголовного дела содержались доказательства, подтверждающие как необходимость

производства обыска, так и необходимость использования особого правового режима при его производстве» [5, с. 24].

Приведём пример из правоприменительной практики по г. Тольятти: в производстве Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти имелся материал о проведенном 11 марта 2017 г. следователем М. «обыске жилища Н. без судебного решения. В уведомлении следователем указывается, что проведение обыска жилища Н. без судебного решения вызвано обстоятельствами, не терпящими отлагательства. Однако такие обстоятельства, которые повлекли проведение обыска в жилище Н. без судебного решения, ни в уведомлении, ни в постановлении о производстве обыска не указаны. Отражена лишь цель проведения обыска – обнаружение и изъятие наркотических средств и денег, полученных от сбыта наркотиков. Как следует из материала, уголовное дело в отношении Н. было возбуждено по эпизодам сбыта наркотических средств от 04.02.2017 и от 24.02.2017. В копиях постановлений указано, что уголовные дела по данным эпизодам возбуждены 11.03.2017, а в постановлении о соединении уголовных дел указано, что данные дела возбуждены 09.03.2017. Устранить данные противоречия суду не представилось возможным. На неоднократные запросы и уведомления о рассмотрении материала следственные органы в суд не явились и представить материалы уголовного дела суду отказались. Судом установлено, что обыск в жилище Н. проводился 11.03.2017. При возбуждении уголовного дела 09.03.2017 у следственных органов имелась реальная возможность получить судебное решение на производство обыска в жилище. Таким образом, суду не были представлены доказательства, подтверждающие законность и необходимость проведенного обыска в жилище Н. без судебного решения. Каких-либо обстоятельств, свидетельствующих о неотложности проведения обыска в жилище, суд не установил. Далее, согласно представленному протоколу обыска, в графе «подпись понятого» отсутствует подпись второго понятого – М. В итоге можно заключить, что нарушены п. 5 ст. 164 УПК и п. 4 ст. 170 УПК. Кроме того, в нарушение ч. 5 ст. 165 УПК уведомление о

проведении обыска поступило в суд только 15.03.2017, т.е. по истечении 24 часов. Тогда как в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, являются недопустимыми. На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 165 УПК, суд обоснованно признал обыск, проведенный в жилище Н. без судебного решения, незаконным» [32].

Совершенно правильным и соответствующим защите наиболее важных прав граждан является такой подход законодателя.

Как справедливо указывают авторы, следователи зачастую ограничиваются шаблонными формулировками: «может привести к утрате вещественных доказательств по уголовному делу, в целях обнаружения следов преступления» [22, с. 64], не раскрывая действительной исключительности обстоятельств. Это создает риски признания полученных доказательств недопустимыми. В этой связи представляется необходимым на законодательном уровне закрепить более строгие требования к мотивировке постановления о производстве обыска без судебного решения, приближенные к тем критериям, которые приводятся Пленумом Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления от 01.06.2017 г. № 19. В данном документе разъясняется, что к подобным, не терпящим отлагательства случаям, можно отнести: «ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела» [24].

Подобная конкретизация могла бы помочь создать дополнительные гарантии того, что постановления следователя на этот счёт будут обоснованными и мотивированными, как того требует ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

Приведенный выше пример из судебной практики ярко иллюстрирует типичные процессуальные нарушения, допускаемые при проведении обыска в жилище без судебного решения: формальная мотивировка «исключительности», нарушение сроков уведомления суда, несоблюдение требований к участию понятых.

Резюмируя сказанное, для минимизации подобных нарушений считаю необходимым:

- закрепить в УПК РФ исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут быть признаны исключительными, не терпящими отлагательства;
- ввести обязательную аудио- или видеозапись производства обыска в жилище без судебного решения, как дополнительную гарантию законности;
- установить, что бремя доказывания исключительности обстоятельств лежит на стороне обвинения, а любые сомнения толкуются в пользу признания обыска незаконным.

Что касается классификации обыска, то в литературе, как правило, приводятся традиционные критерии: последовательность производства (первичный, повторный) и масштаб (единичный, групповой).

Современная криминалистическая мысль предлагает и иные основания для классификации, например:

- по объекту: обыск помещений, личный обыск, обыск участков местности, обыск транспортных средств, электронный обыск (изъятие компьютерной техники и носителей информации).
- по тактической цели: основной и дополнительный (направленный на проверку версий о возможных местах сокрытия).
- по времени производства: дневной и ночной (в исключительных случаях) и т.д.

Число возможных классификаций не ограничено, поскольку каждый исследователь, в соответствии с поставленной целью, может выделить интересующий его критерий и выстроить новую видовую последовательность.

Помимо прочего, подобные классификации имеют не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку определяют специфику подготовки и тактики производства каждого вида обыска.

1.2 Общие положения подготовки и производства обыска

Качество производства обыска и его результативность напрямую зависят от тщательности подготовительного этапа. Подготовка к обыску представляет собой комплекс организационных, тактических и технических мероприятий, проводимых следователем.

Ключевым тактическим элементом начала обыска является предложение о добровольной выдаче искомых предметов (ч. 5 ст. 182 УПК РФ).

По мнению И.Ш. Резепова, «в таком случае, для продолжения поисковых действий и выявления иных предметов, интересующих следствие, после того, как произошла добровольная выдача, необходимо вынесение нового постановления о производстве обыска» [26, с. 81].

Данный дискуссионный тезис о необходимости вынесения нового постановления представляется спорным и не вытекает из «буквы закона». Более обоснованной является позиция, согласно которой следователь, руководствуясь принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению, закреплённым в ст. 17 УПК РФ, вправе, исходя из конкретной ситуации, продолжить поисковые действия, если имеются основания полагать, что выдана не всё, что интересует следствие. Возможна ситуация, при которой, как пишут в литературе, «лицо может выдать лишь незначительную часть того, что может быть в дальнейшем использовано в процессе доказывания, дабы избежать большего размера ответственности, или не выдать какие-либо иные

предметы (о наличии которых следователь даже не подозревает), обнаружение таковых может повлечь дополнительную ответственность» [21, с. 545].

Таким образом, это является элементом тактического риска и требует от следователя высокого уровня профессионального чутья.

При обыске следователь может проникать в любые помещения. Но, как следует из ч. 6 ст. 182 УПК РФ, при этом: «не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества».

Соответственно, повреждение имущества при производстве обыска, не обусловленное необходимостью, является противоправным. Как отмечается в отдельных работах, «если в процессе таких действий лицу причинен вред, согласно ч. 2 ст. 1070 ГК РФ он возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 ГК РФ. Когда же в действиях следователя усматриваются состав преступления, последний подлежит уголовной ответственности» [29, с. 110].

Чтобы обеспечить реализацию конституционно-правовых норм, связанных с охраной частной жизни, законодатель включил в процессуальный порядок производства обыска требование в соответствии с которыми следователь «принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого производился обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц» (ч. 6 ст. 185 УПК РФ).

По общему правилу обыск нельзя осуществлять ночью (в период с 22 до 6 часов по местному времени). Данное положение Б.Т. Безлепкина оценивает положительно, усматривая в таковом нравственный смысл, поскольку «обыск, связанный со вторжением в жилище, наносит сильнейший психологический удар по домашнему спокойствию, особенно если в обыскиваемом помещении находятся дети» [2, с. 145].

Для того, чтобы анализируемое следственное действие было максимально результативным, его следует тщательно планировать. В создаваемом следователем плане важно обозначить все значимые вопросы,

начиная от объектов, нахождение которых предполагается в ходе обыска и заканчивая тактическими приемами.

Отдельные специалисты пишут, что в планировании обыска нельзя оставлять без внимания такие аспекты как: «обязанности участников – следственно-оперативно группы; способ проникновения в обыскиваемое помещение и меры по предупреждению возможного вооруженного сопротивления; конкретные специалисты (в том числе кинолог со служебно-розыскной собакой); технические средства (средства поиска и фиксации, упаковки для изъятия объектов обыска); способ связи и транспортные средства; меры по охране места обыска; меры, исключающие связь обыскиваемого с иными лицами; способы легализации полученных оперативных данных, используемых в ходе обыска; предполагаемые действия участников обыска при осложнении обстановки; меры по предотвращению возможного сокрытия или повреждения искомых объектов» [8, с. 67].

В условиях современной действительности на передний план выходит качественное техническое оснащение участников обыска, поэтому при подготовке к производству рассматриваемого следственного действия стоит подготовить необходимое технико-криминалистическое обеспечение.

В качестве такового в науке выделяют: «технико-криминалистические средства поискового и фиксационного характера; технические средства связи; транспортные средства; упаковочные материалы для транспортировки изъятых объектов; осветительные приборы и аппаратура, средства измерения и взвешивания; средства принудительного проникновения на объект, оружие, средства обеспечения безопасности и нейтрализации возможностей физического противодействия со стороны обыскиваемых и связанных с ними лиц» [16, с. 25].

«Психологическая направленность деятельности следователя при обыске состоит в поиске специально скрываемых материальных объектов, имеющих доказательственное значение в условиях контактного взаимодействия противоборствующих сторон. При этом каждая сторона

стремится лучше узнать стратегию поведения другой, избежать самой каких-либо демаскирующих проявлений и повлиять на ход деятельности другой стороны» [7, с. 60] – обоснованно указывает М.И. Еникеев.

Следственная ситуация, связанная с реализацией намерения следователя осуществить обыск, сопровождаемая государственным принуждением, неизбежно сопряжена со стрессом для обвиняемого, что может обусловить самые разные ситуативные реакции с его стороны, вплоть до проявления активного сопротивления и агрессии.

«На этом фоне четкие, уверенные действия следователя, в которых обнаруживается его определенная осведомленность о предыдущих действиях обыскиваемого, могут вызвать как добровольную выдачу искомого, так и крайние проявления агрессивности» [23, с. 177] – указывается специалистами.

Учёт данных моментов может позволить следователю применить соответствующие тактические и психологические приемы, корректируя реакции обыскиваемого.

«Стратегия воздействия на обыскиваемое лицо может состоять в ослаблении защитных барьеров, в снижении их сопротивляемости. В связи с этим следователю необходимо хотя бы ориентировочно знать побуждения обыскиваемого к сокрытию определенных предметов (стыд перед родственниками, соседями, сослуживцами; страх наказания, боязнь повредить престижу, потерять хорошую репутацию и т.п.)» [1, с. 15] – пишут Н.А. Ануфриева и А.И. Судакова.

Психологический аспект производства обыска, является чрезвычайно актуальным. Современные исследования в области психологии следственной деятельности подчеркивают важность процессуальной гибкости и «эмоционального интеллекта» следователя.

Следователю важно учитывать предположительные приёмы противодействия обыску и приёмы, используемые для сокрытия предметов, которые могут интересовать следствие. Типичные приёмы хорошо известны криминалистической науке и практике.

Так, «особенно важно не прекращать, а активизировать обыск в сложных условиях: в загрязненных помещениях, на чердаках, в подвалах, среди нечистот и в различных труднодоступных местах, где виновные часто пытаются скрыть искомое, рассчитывая на брезгливость следователя» [17, с. 73].

В условиях процессуального противоборства следователь должен не только распознавать тактику обыскиваемого, но и управлять своим психофизиологическим состоянием, избегать когнитивных ошибок (например, «эффекта туннельного зрения», когда поиск сосредотачивается на очевидных местах и упускаются из виду нестандартные тайники).

Следует отметить, что во многом эффективность производства обыска зависит от возможности использования следователем в ходе его производства современных технических средств, а также специальных знаний. С одной стороны, таковые могут быть применены непосредственно следователем, имеющим большой опыт работы в данном профессиональном качестве, а с другой стороны, следователь вправе привлечь к производству обыска, (а в отдельных случаях и выемки), специалиста, как участника производства следственного действия.

В ч. 9 ст. 182 УПК РФ обозначено требование об изъятии в ходе обыска предметов или документов, изъятых из оборота.

«Изъятие предметов, запрещенных к обращению, но не имеющих отношения к уголовному делу, диктуется и оправдывается тем, что орган расследования – правоохранительный орган государства – не может закрыть глаза на правонарушение, с которым столкнулся воочию, и пройти мимо него. Изъятие незаконно хранимых предметов в подобных случаях – пресечение правонарушения, которое для органа расследования является делом попутным, подобно тому, как попутно он выполняет профилактическую функцию, выясняя обстоятельства, способствовавшие совершению расследуемого преступления» [3, с. 150] – пишет Б.Т. Безлепкин.

При этом, никакой отдельный процессуальный документ по данному вопросу не выносится – такое изъятие осуществляется в процессуальных границах уже осуществляемого обыска.

«К числу изъятых из свободного обращения (оборота) относятся предметы, приобретаемые только по особым разрешениям (их перечень определен законодательством Российской Федерации), а также все иные предметы, изготовление, приобретение, хранение, сбыт и распространение которых запрещены законом» [14, с. 45] – пишет В.В. Кальницкий.

«Изъятые предметы, документы и ценности предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц» (ч. 10 ст. 182 УПК РФ).

Данная норма определяет организационно-технический аспект работы с объектами, которые могут быть получены следователем в процессе производства анализируемого следственного действия.

«При производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. При производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск» (ч. 11 ст. 182 УПК РФ).

В рассматриваемом процессуальном положении обозначены отдельные аспекты законности производства обыска, а также реализации права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ч. 1 ст. 48 Конституции РФ.

Однако, Б.Т. Безлепкин отмечает, что «если присутствие защитника вполне понятно и объяснимо (оно вписывается в общую задачу защиты прав и законных интересов лица, которое подвергается уголовному преследованию, т.е. обвиняемого или подозреваемого в преступлении), то адвокат того лица, в помещении которого производится обыск, как участник следственных действий, вообще неизвестен, его процессуальное положение нигде не определено, и о ком идет речь с позиции теории уголовно-процессуальных

правоотношений, объяснить вообще не представляется возможным» [2, с. 245].

По данному вопросу С.А. Шейфер писал следующее: «Упомянув о праве лица, в помещении которого проводится обыск, приглашать адвоката для участия в этом следственном действии (ч. 11 ст. 182 УПК РФ), законодатель не распространил на адвоката права защитника, предусмотренные ч. 2 ст. 53 УПК РФ, что также представляется пробелом закона» [39, с. 159].

Несмотря на то, что исследователи обращают внимание на это нормативное положение уже около 20 лет, уточнение регулирования пока так и не произошло.

Отмеченное предопределяет вывод о необходимости законодательного закрепления и детализации процессуального статуса адвоката, приглашенного лицом, в помещении которого производится обыск.

Целесообразно внести изменения в УПК РФ, распространив на такого адвоката основные права защитника, предусмотренные ч. 1 ст. 53 УПК РФ, с определенными ограничениями (например, без права задавать вопросы до окончания производства обыска).

По завершению производства обыска и составления протокола, его копия подлежит вручению лицу, в помещении которого был произведен обыск, либо совершеннолетнему члену его семьи. Если обыск производился в помещении организации, то копия протокола вручается под расписку представителю администрации соответствующей организации (ч. 15 ст. 182 УПК РФ).

Завершая анализ вопросов, входящих в содержание первой главы исследования, сформулируем следующие выводы и предложения.

Как представляется, понятийный аппарат, связанный с обыском, нуждается в уточнении с учетом современных реалий.

Институт исключительных случаев производства обыска в жилище без судебного решения требует серьезной законодательной доработки с целью исключения расширительного толкования и формального подхода.

В этой связи, для минимизации подобных нарушений считаю необходимым:

- закрепить в УПК РФ исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут быть признаны исключительными, не терпящими отлагательства;
- ввести обязательную аудио- или видеозапись производства обыска в жилище без судебного решения, как дополнительную гарантию законности;
- установить, что бремя доказывания исключительности обстоятельств лежит на стороне обвинения, а любые сомнения толкуются в пользу признания обыска незаконным.

Также давно назрела необходимость четкого законодательного регулирования процессуального статуса «адвоката лица, в помещении которого производится обыск», упомянутого в ч. 11 ст. 182 УПК РФ.

Целесообразно внести изменения в УПК РФ, распространив на данного субъекта основные права защитника, предусмотренные ч. 1 ст. 53 УПК РФ, с определенными ограничениями (например, без права задавать вопросы до окончания обыска).

В целом же, исследование процессуального регулирования производства обыска, а также соответствующих научных суждений по данному вопросу, приводит к выводу о востребованности и эффективности обыска в практике расследования уголовных дел.

Обыск был и остается крайне востребованным и незаменимым следственным действием в практике расследования преступлений. Его востребованность предопределена уникальной доказательственной функцией: это единственное действие, позволяющее в принудительном порядке изыскать и обратить в вещественные доказательства предметы и документы, которые лицо умышленно скрывает от следствия.

Однако оценка его номинальной эффективности (то есть, эффективности, заложенной в самой процессуальной конструкции и

тактических возможностях) неоднозначна, поскольку является производной от комплекса взаимосвязанных факторов.

В качестве фундаментального фактора, влияющего на эффективность обыска, можно назвать качество процессуальной регламентации и, что не менее важно, следование ему со стороны правоприменителя в лице следователя.

Любое нарушение процедуры (необоснованность, отсутствие судебного решения, когда оно требуется, нарушения при участии понятых, составлении протокола) ведет к признанию полученных доказательств недопустимыми.

Таким образом, формальная эффективность (юридическая сила полученных в результате обыска доказательств) напрямую обусловлена соблюдением требований законности.

Второй важной составляющей эффективности производства обыска выступает уровень тактико-криминалистического обеспечения производства анализируемого следственного действия, что включает в себя:

- глубокую оперативную разработку, планирование с учетом психологии обыскиваемого, правильный подбор участников и технических средств;
- профессионализм и психологическую гибкость следователя, что может позволить распознавать уловки обвиняемого, оперативно менять тактику поиска, управлять психологической атмосферой;
- использование современных достижений науки и техники, о чём более подробно будет сказано в третьей главе данного исследования, посвящённого обыску и выемке.

Таким образом, реальная эффективность производства обыска на практике может варьироваться, что создаёт предпосылки для формирования кадров следственных органов из числа профессионалов, обладающих необходимым уровнем профессиональных знаний и практических навыков.

Глава 2 Процессуальные основы производства выемки в уголовном процессе России

2.1 Понятие и основания производства выемки

Выемка, как и обыск, является одним из востребованных следственной практикой следственных действий, предусмотренных действующим УПК РФ. Непосредственно процессуальной регламентации выемки посвящена ст. 183 УПК РФ, которая также, как и ст. 182, посвящённая обыску, не содержит нормативное определение соответствующего следственного действия.

Разные специалисты-процессуалисты формулируют различные определения. Так, по мнению Ю.В. Гаврилина, А.В. Победкина и В.Н. Яшина «выемка – это следственное действие, сущность которого заключается в изъятии (при необходимости принудительном) компетентным должностным лицом на основаниях и в порядке, предусмотренном законом предметов и документов, имеющих значение для дела, если точно известно, где и кого они находятся» [4, с. 90].

М.И. Еникеев, В.А. Образцов и В.Е. Эминов считают, что «выемка – это следственное действие, заключающееся в изъятии имеющих значение для расследования уголовного дела известных следствию предметов, ценностей или документов, находящихся в известном месте во владении или ведении установленного лица или группы лиц (например, трудового коллектива)» [9, с. 83].

А.П. Рыжаков определяет анализируемое следственное действие как заключающееся «в изъятии (добровольном или принудительном) строго определенных решением компетентного органа (должностного лица) предметов и (или) документов, имеющих значение для уголовного дела, без предварительного их поиска» [28, с. 69].

Проведенный анализ авторских определений выемки позволяет выделить ее ключевые сущностные признаки. Обобщая цитируемые подходы

можно согласиться с выводом, что выемка — это самостоятельное следственное действие, заключающееся в изъятии (добровольном или принудительном) строго определенных и известных следствию предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, когда точно известно их местонахождение и владелец, и которое не предполагает предварительного поиска.

Критически важным представляется закрепленное в ч. 1 ст. 183 УПК РФ условие: «... точно известно, где и у кого они находятся». Это принципиальное отличие выемки от обыска, где поисковая составляющая является доминирующей.

В современной доктрине под «точной известностью» понимается наличие в материалах уголовного дела достоверных и проверенных данных, однозначно указывающих на конкретный объект, его индивидуальные признаки и место его нахождения, исключающее необходимость выбора среди других объектов.

Размытость этого критерия на практике нередко приводит к подмене выемки обыском, что является процессуальной ошибкой и может повлечь признание полученных в результате его производства доказательств недопустимыми.

Необходимость изъятия определенных предметов и документов «обусловлена только одним обстоятельством - возможностью получения дополнительного по уголовному делу доказательства. Причем необходимость будет иметь место и тогда, когда имеется возможность получения данного носителя доказательственной информации иным путем» [40, с. 186].

В ч. 1 ст. 183 УПК РФ законодатель говорит о том, что изъятию подлежат «определенные» объекты, что позволяет сделать обоснованный вывод о достаточно высокой степени конкретизации такого знания у следователя. То есть, следователь, планируя выемку (а не обыск), знает о том, что некий объект находится у определённого лица по определённому адресу и

его нужно просто изъять для использования в качестве доказательства при производстве по уголовному делу.

Как верно указывает Р.Р. Умярова, «при производстве выемки могут быть изъяты только те объекты, которые были указаны в постановлении суда, поэтому следователю необходимо четко обозначить все предметы, необходимые к изъятию» [35, с. 157].

Современные исследователи справедливо обращают внимание на новую границу разграничения обыска и выемки в цифровую эпоху. Если изъятие самого электронного носителя информации (жесткого диска, флеш-карты) при известности его местонахождения формально подпадает под признаки выемки, то последующий поиск на этом носителе конкретного файла требует производства обыска в отношении цифровой информации, что регламентировано ст. 164.1 УПК РФ. Таким образом, выемка физического носителя часто является лишь первым этапом, за которым следует сложное следственное действие по поиску и изъятию цифровых доказательств.

Отдельные авторы ставят вопрос о возможности выемки разыскиваемых лиц, или трупов. В частности, А.П. Рыжаков пишет о том, что «извлечение трупа из места его правомерного (официального) захоронения – это не выемка, это эксгумация. Но труп не обязательно может быть захоронен. Таким образом, теоретически труп может быть предметом выемки» [28, с. 79].

Однако, вышеназванная дискуссия о возможности выемки трупов или разыскиваемых лиц, с практической точки зрения представляется малопродуктивной.

Как верно отмечают Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин и В.Н. Яшин, «даже если точно известно, где и у кого находится конкретное разыскиваемое лицо или труп вести речь о выемке невозможно» [4, с. 97].

Дело в том, что даже при известности места нахождения разыскиваемого лица или трупа, правовой формой их «изъятия» является не выемка, а задержание (для лица) или осмотр места происшествия, эксгумация (для трупа).

Принудительное действие в данном случае направлено не на объект как вещественное доказательство, а на обеспечение участия лица в процессе или установление обстоятельств смерти. Поэтому позиция о невозможности выемки живых лиц и трупов является более соответствующей духу и букве уголовно-процессуального закона.

Особого внимания заслуживает вопрос о судебном санкционировании выемки. Также, по аналогии с обыском, выемка в жилище производится на основании судебного решения.

При этом, законодатель, в отличие от обыска в жилище, установил требование о получении судебного решения для специальных категорий объектов, указав, что «выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения» (ч. 3 ст. 183 УПК РФ).

Данное решение законодателя заслуживает одобрения и поддержки.

Фактическим основанием выступают сведения о существовании индивидуально-определённого предмета (документа), имеющего значение для дела (ч. 1 ст. 183 УПК РФ), а также сведения о точном месте нахождения такового (где и у кого), исключающем поиск.

Юридическое основание складывается из мотивированного постановления следователя, а в отдельных случаях, требующих судебного санкционирования, судебное решение.

Таким образом, анализ положений УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что основанием производства выемки является установленная в ходе предварительного расследования и отраженная в мотивированном постановлении следователя совокупность доказательств, с достоверностью подтверждающих наличие конкретного объекта, его точное местонахождение

и лицо, у которого он находится, а в специально предусмотренных законом случаях – также и наличие судебного решения.

Нарушение любого элемента этого основания (например, проведение выемки при необходимости поиска) является грубым процессуальным нарушением и влечет за собой признание полученных доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Следователь должен каждый раз проводить тщательный анализ: позволяет ли имеющаяся информация произвести именно изъятие, или же она указывает лишь на необходимость поиска, то есть обыска.

2.2 Особенности подготовки и производства выемки

Процедура производства выемки, во многом регламентируется по аналогии с обыском (ч. 2 ст. 183 УПК РФ). Применяются общие аспекты производства обыска, за исключением тех частных, которые обуславливаются спецификой выемки.

Однако её тактическое содержание существенно отличается в силу отсутствия поисковой стадии, как отмечают отдельные авторы – например, Н.С. Манова [18, с. 128].

Центральным тактическим элементом выемки является предложение о добровольной выдаче искомых предметов или документов.

Важно понимать, что есть существенная разница между уголовно-процессуальной «добровольной выдачей» и уголовно-правовой «добровольной сдачей».

Как пишут в комментариях, «в ч. 5 ст. 182 УПК РФ речь идет о добровольной выдаче предметов (документов). Это уголовно-процессуальное, а не уголовно правовое понятие. Оно отражает процедуру осуществления следственного действия и позволяет оценить наличие (отсутствие) оснований для применения в процессе производства выемки мер уголовно-процессуального принуждения» [28, с. 107].

Добровольная выдача в процессе выемки не является обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности, поскольку лицо действует в условиях уже начавшегося официального процессуального принуждения. Вместе с тем, как справедливо указано, этот факт может быть учтен судом как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), поскольку свидетельствует о способствовании раскрытию преступления.

Интересным с практической точки зрения является вопрос о конкретизации места нахождения объекта выемки.

Законодатель использует оценочную формулировку: «точно известно, где и у кого они находятся» (ч. 1 ст. 183 УПК РФ), при этом, не раскрывая содержания понятия «точно» в данном контексте.

Выемка – это процессуальное действие, направленное на изъятие уже обнаруженного (идентифицированного) объекта. Следователь не выбирает из нескольких возможных мест; он целенаправленно следует к одному конкретному месту для изъятия заранее определенного объекта.

Таким образом, «точное знание» означает, что у следователя имеются достоверные и проверенные данные, которые позволяют ему прямо и незамедлительно, без предварительного поиска и выбора среди других объектов, направиться к конкретному месту хранения искомого предмета или документа.

Таким образом, «точное знание» для производства выемки имеет место тогда, когда исключается необходимость поисковых действий, связанных с выбором среди нескольких возможных мест нахождения объекта в пределах места производства следственного действия.

Условно, если следователю для нахождения объекта нужно открыть более одного места хранения (более одной дверцы, ящика, крышки) – это уже поиск, а значит, необходимо производство обыска, а не выемки. Соответственно, для обеспечения допустимости полученных в результате доказательств, следователю необходимо очень взвешенно подходить к выбору следственного действия.

Для этого следователю стоит критически оценить источник информации. Данные о месте нахождения должны быть максимально конкретными и проверенными (например, показания соучастника, непосредственно спрятавшего предмет; данные скрытого видеонаблюдения; точные указания из расшифровки переговоров).

Соответствующее место расположения объекта следует заранее определить и описать в постановлении: какой именно объект и в каком именно месте подлежит изъятию. Такая детализация сама по себе является доказательством точного знания о месте нахождения.

Современная следственная практика нередко сталкивается с проблемой фактического «превращения выемки в обыск». Ситуация, когда следователь, прибыв для производства выемки, не обнаруживает искомый предмет на том самом месте, о котором было «точно известно», является критической.

Следователю при производстве выемки нужно действовать строго в рамках постановления. Если, прибыв на место, следователь не обнаружил объект в указанном месте, он не вправе начинать его поиск в других местах под видом выемки.

Следователь должен:

- зафиксировать в протоколе выемки отрицательный результат;
- при наличии достаточных данных полагать, что объект все же находится в данном помещении, вынести новое постановление о производстве обыска и продолжить действия уже в этом качестве.

Однако на практике зачастую происходит стихийное, нигде не фиксируемое расширение рамок действия, что является грубым нарушением. Для предотвращения этого необходима более четкая процессуальная регламентация данного перехода, включая обязанность следователя занести в протокол выемки мотивированное решение о необходимости производства обыска.

В случае любых значимых сомнений относительно выбора между обыском и выемкой, обусловленных неопределённостью в точном месте нахождения объекта, следовательно стоит выбирать обыск.

Таким образом, точность должна быть такой, чтобы свести к нулю элемент неопределенности и поиска. Выемка объекта должна осуществляться из одного конкретного места. Если это правило соблюдается, производится выемка. Если нет – следует инициировать производство обыска.

Важным аспектом является принудительный характер выемки при отказе от добровольной выдачи. Право следователя на вскрытие закрытых помещений и хранилищ вытекает из его властных полномочий. Однако закон не конкретизирует пределы применения подобных процессуальных полномочий.

В этой связи представляется необходимым закрепить в УПК РФ принцип соразмерности: применяемые меры принуждения (например, взлом двери) должны быть минимально необходимыми для достижения цели изъятия и не допускать необоснованного повреждения чужого имущества – равно, как и в вопросе регламентации данного аспекта применения государственного принуждения применительно к обыску, о чём уже говорилось ранее.

Нормативное требование, закреплённое в ч. 10 ст. 182 УПК РФ, согласуется с теми требованиями, что предъявляются к производству как обыска, так и выемки – обеспечение участия в следственном действии, «не менее двух понятых, которые вызываются для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов» (ч. 1 ст. 170 УПК РФ).

Исключением из этого правила является производство выемки «в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей» (ч. 3 ст. 170 УПК РФ).

«Если выемку предполагается проводить без участия понятых, следователь должен принять все возможные меры для того, чтобы закрепление результатов проведения данного следственного действия сопровождалась применением таких технических средств как фотоаппарат, видеокамера, кинокамера и (или) иных технических средств фиксации хода и результатов выемки» [20, с. 10] – пишут учёные.

Также в публикациях высказывается мнение о том, что «применение видеозаписи (технического средства фиксации) позволит гораздо эффективнее осуществлять функции удостоверения факта, хода и результатов следственного действия, чем это может обеспечить участие в деле понятых» [35, с. 158].

Таким образом, высказанные замечания о возможности замены понятых техническими средствами фиксации (видеозаписью) при производстве в труднодоступной местности или в условиях опасности (ч. 3 ст. 170 УПК РФ) является прогрессивным.

В настоящее время видеозапись все чаще рассматривается не как факультативное, а как обязательное средство фиксации для всех следственных действий, связанных с принуждением. Применительно к производству выемки обязательная видеофиксация видится крайне полезной.

Это способствовало бы не только повышению объективности доказательств, но и дисциплинировало бы участников процесса, снизив количество споров о законности проведения выемки в правоприменительной практике.

Завершая анализ вопросов, входящих в содержание второй главы исследования, сформулируем следующие выводы и предложения.

Выемка является самостоятельным и высокоэффективным следственным действием, ключевым признаком которого является отсутствие поиска и точная известность местонахождения изымаемого объекта. Соблюдение этого критерия – залог законности и обоснованности производства выемки следователем.

Смещение выемки и обыска представляет собой типичную процессуальную ошибку. Необходимо законодательно закрепить четкий алгоритм действий следователя на случай, если в ходе выемки выясняется, что точное местонахождение объекта не было известно, предусмотрев обязательное вынесение нового постановления о производстве обыска.

Институт добровольной выдачи требует разграничения с уголовно-правовой добровольной сдачей, что должно находить отражение в разъяснениях Верховного Суда РФ и практике правоприменения.

Видеозапись все чаще рассматривается не как факультативное, а как обязательное средство фиксации для всех следственных действий, связанных с принуждением. В контексте необходимости повышения гарантий прав граждан и объективности доказательств следует рассмотреть вопрос о введении обязательной видеофиксации производства выемки, особенно в случаях её принудительного характера.

Глава 3 Применение специальных знаний при производстве обыска и выемки

3.1 Специалист в производстве обыска и выемки

Современные подходы к планированию производства следственных действий – в частности, обыска и выемки, обуславливают необходимость разработки детального плана-алгоритма, который в современных реалиях должен включать не только традиционные элементы (время, состав группы, техническое обеспечение), но и:

- анализ цифрового следа подозреваемого (активность в социальных сетях, использование мессенджеров, данные геолокации) для определения круга разыскиваемых объектов, в том числе цифровых;
- прогнозирование возможного киберпротиводействия (удаленное уничтожение данных, блокировка устройств);
- план обеспечения кибербезопасности изымаемой цифровой техники для предотвращения потери данных.

Обозначенный спектр вопросов актуализирует привлечение к производству следственных действий специалистов нового профиля: IT-экспертов, криминалистов-программистов.

Ещё более двадцати лет назад Л. Исаевой было отмечено, что «необходимость применения специальных познаний при расследовании по уголовным делам не вызывает никаких сомнений, как, впрочем, и то, что роль сведущих лиц в процессе доказывания постоянно возрастает. Это в значительной степени связано с тем, что на фоне бурного развития науки и техники идет активное использование их достижений для совершения и сокрытия преступлений, в том числе и в области высоких технологий» [13, с. 12].

В современных реалиях актуальность данного тезиса многократно возросла.

Технико-криминалистическое оснащение группы сегодня немислимо без комплексов для изъятия и предварительного исследования электронных носителей, портативных детекторов скрытых полостей, средств для преодоления систем криптографической защиты данных.

Современная преступность характеризуется активным использованием достижений научно-технического прогресса, что закономерно требует адекватного противодействия со стороны органов предварительного расследования. В этих условиях фигура специалиста перестает быть факультативной и становится неотъемлемым участником процесса доказывания, особенно при производстве таких сложных следственных действий, как обыск и выемка.

Утверждение о том, что следователь в полной мере обладает всеми необходимыми специальными познаниями, является мифом. Профессия следователя предполагает универсальность, но не может охватывать всю широту специальных знаний, требуемых для работы с разнообразными материальными объектами и цифровыми данными. Поэтому привлечение специалистов является не вспомогательной, а зачастую ключевой мерой, обеспечивающей эффективность следственного действия.

Как отмечается в науке, обыск проводился практически по каждому второму уголовному делу, однако менее чем в 50% случаев он результативен [31, с. 30].

Низкая результативность обыска, во многом обусловлена пренебрежением криминалистическими рекомендациями и недостаточным использованием возможностей современных технико-криминалистических средств и специальных познаний.

Согласно ст. 168 УПК РФ, следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста для оказания содействия в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке предметов и документов, а также для разъяснения сторонам процесса возникающих вопросов, требующих специальных знаний.

Таким образом, привлечение сведущего лица к производству обыска способствует реализации следующих целей: «применение научно-технических средств для выявления скрытых предметов и тайников; распознавание действительной сущности тех или иных предметов и объектов (например, провизор, фармаколог, химик, ботаник помогут в отыскании наркотических средств лекарственного, химического или растительного происхождения; с помощью товароведа или геммолога можно предварительно определить ценность ювелирных украшений и др.); определение возможного способа сокрытия ценностей и других искомых объектов» [6, с. 150].

Современная практика требует расширения этого перечня. В частности, актуальным является привлечение:

- IT-специалистов для предварительной оценки компьютерных систем, сетевого оборудования и мобильных устройств, их безопасного отключения и изъятия;
- аудиторов и финансовых аналитиков для оперативного анализа документов в ходе выемки в офисах коммерческих организаций с целью выявления наиболее релевантных документов для дела, выявления скрытых счетов или противоправных финансовых схем;
- экологов и химиков-аналитиков для обнаружения и изъятия образцов запрещенных веществ, отходов производства, представляющих опасность;
- инженеров-строителей и архитекторов для выявления тайников, скрытых помещений или оценки соответствия объекта проектной документации;
- фармацевтов – при обысках в аптеках или на складах медицинских препаратов для идентификации лекарств и их оборота и так далее.

Во всех этих случаях специалист выступает в роли «проводника» для следователя в мало знакомой ему профессиональной среде, обеспечивая полноценное и профессиональное собирание доказательственной информации.

Особое значение участие специалиста приобретает при производстве обыска «по горячим следам». В этой ситуации именно сведущее лицо может обеспечить применение технических средств для обнаружения и фиксации микроследов, невидимых невооруженным глазом.

Как отмечается специалистами, «именно в этот период легче всего обнаружить следы и предметы, несущие информацию, связанную с преступлением и местом его совершения. Как правило, преступники за короткое время не успевают тщательно скрыть все следы преступления, несмотря на то, что такие попытки предпринимаются ими непосредственно в процессе совершения преступных действий, а затем и в первые дни после совершения преступления» [31, с. 31].

Это даёт возможность следствию, с одной стороны, осуществить предупредительные действия, направленные на преодоление противодействию расследованию, а с другой стороны обеспечить пополнение доказательственной базы.

«Наиболее распространенные способы сокрытия объектов по делам о кражах, грабежах разбоях: уничтожение информации, причинно-связанной с событием преступления – 28,4%; укрытие орудий преступления, похищенных ценностей и иных объектов – 32%; маскировка искомых объектов путем создания условий, препятствующих производству обысков (тайники; изменение наружного вида вещей и т.п.) – 25,3%» [31, с. 31].

«Если специалист-криминалист, участвующий в осмотре места происшествия при раскрытии преступлений по горячим следам, не принимает участия в обыске, он должен составить ориентировку (розыскную таблицу) на отыскиваемые вещи с подробным описанием их внешнего вида и отличительных признаков, что будет способствовать целенаправленному поиску нужных объектов» [19, с. 217] – пишут в научных публикациях по данному вопросу.

В общем случае привлечение специалиста является правом, а не обязанностью следователя. Законодатель, к сожалению, закрепил

обязательное участие специалиста лишь в двух случаях: при осмотре трупа (ч. 1 ст. 178 УПК РФ) и при изъятии электронных носителей информации и копирования с них информации (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ).

Как представляется, с учётом стремительного развития и усложнения общественных отношений, а также цифровизации, этого явно недостаточно. Назрела необходимость в нормативном закреплении более широкого перечня следственных ситуаций, при которых участие специалиста было бы обязательным.

Применительно к обыску и выемке критерием обязательности такого процессуального участия может выступать сложность и потенциальная опасность объектов, подлежащих изъятию (взрывчатые вещества, радиоактивные материалы, сложные химические соединения, биологические агенты).

Говоря об обыске и выемке, наиболее востребованным применением специальных знаний является применительно к обыску, но относительно выемки специальные знания тоже востребованы.

Как справедливо отмечает А.М. Зимин, «целесообразно, а в ряде случаев необходимо, участие специалиста в выемке, т.к. данное следственное действие требует знания документооборота, специфики функционирования учреждения, предприятия, в котором осуществляется выемка, знание реквизитов документов. Особенно важно участие специалиста при выемке документов на электронных носителях информации» [11, с. 94].

Специалист может оказать неоценимую помощь на подготовительном этапе, консультируя следователя по вопросам, требующим специальных познаний, а также непосредственно в ходе действия, обеспечивая грамотное изъятие, фиксацию и упаковку доказательств.

Так, специалист может дать рекомендации о том, какого рода технико-криминалистические средства могут потребоваться в ходе предстоящей выемки для осмотра изымаемых предметов, или документов, а также их фиксации.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с особенностями изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве обыска и выемки.

3.2 Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве обыска и выемки

Наиболее значимые изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, применительно к участию специалиста в обыске и выемке, касаются участия IT-специалистов.

«Современные достижения науки, техники, IT-технологии оставляют отпечаток на все виды человеческой деятельности, в том числе и на криминальную» [38, с. 70] – пишут в некоторых публикациях.

«Информатизация принесла с собой целый ряд сложных негативных явлений, связанных с противоправным использованием этих новаций. Например, компьютерные средства стали использоваться преступниками не только в противоправных целях, но и для оказания активного противодействия правосудию» [27, с. 13] – отмечает известный специалист Е.Р. Россинская.

В связи с повсеместной цифровизацией, а также развитием информационных технологий и технологий искусственного интеллекта, сведения, имеющие значение для уголовного дела, все чаще содержится на электронных носителях информации (ЭНИ).

Регламентация работы с ЭНИ является одним из наиболее динамично развивающихся направлений уголовно-процессуального права. Законодатель предпринял значительный шаг, введя в 2012 году [37] специальные нормы, касающиеся участия такого рода специалиста в обыске и выемке, а затем унифицировав их в отдельной статье 164.1 УПК РФ в 2018 году [36].

Однако, ключевая проблема осталась нерешенной: отсутствует легальное определение понятия «электронный носитель информации», что порождает правовую неопределенность.

Следует согласиться с Н.А. Ивановым в том, что «использование понятия «электронный носитель информации» недопустимо, поскольку данный термин не охватывает все виды машинных носителей, на которых может быть зафиксирована цифровая информация» [12, с. 19].

В частности, он не охватывает всего спектра устройств хранения данных (например, магнитные ленты). Более корректным и перспективным представляется использование более широкого понятия — «носитель компьютерной информации» или «цифровой носитель информации», которое бы включало любые устройства, предназначенные для хранения информации в цифровой форме.

Критического осмысления требует императивное правило ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ об обязательном участии специалиста при любом изъятии ЭНИ. Абсолютизация этого требования не учитывает реалии современной цифровой повседневности. Изъятие отключенного и автономного устройства, такого как смартфон, флеш-накопитель или внешний жесткий диск, лежащего на столе, по своей сложности сопоставимо с изъятием любого другого предмета и не требует специальных познаний для его физического подъема и упаковки.

В этой связи предлагается дифференцированный подход, который должен найти отражение в законе:

Обязательное участие специалиста требуется в случаях, когда изъятие сопряжено с:

- необходимостью отключения ЭНИ от действующей компьютерной системы или сети;
- извлечением компонентов (жестких дисков, модулей памяти) из корпусов технических устройств;
- риском повреждения данных или устройства при непрофессиональном обращении;
- работой с серверами, сетевыми хранилищами (NAS) и другим сложным сетевым оборудованием.

Как представляется, участие специалиста в сфере информационных технологий не должно быть обязательным при изъятии автономных, готовых к переноске устройств, изъятие которых не требует разборки или специальных технических манипуляций (например, изъятие отключенного ноутбука, телефона, флешки).

Такой подход позволит избежать формализма и избыточного расходования ресурсов, не снижая при этом уровня защиты прав граждан и сохранности доказательств.

Для реализации данного подхода, можно согласиться с предложенным в науке подходом, в соответствии с которым дополнить ст. 164.1 УПК РФ новой ч. 2.1 следующего содержания:

«2.1. В случаях, когда изъятие электронного носителя информации в ходе производства следственного действия не связано с его отключением от более сложного технического устройства или извлечением из состава более сложного технического устройства, участие специалиста не является обязательным» [10, с. 11].

Подобная формулировка может позволить избежать необходимости привлечения специалиста в тех случаях, когда в его присутствии нет фактической необходимости.

Еще более важным представляется вопрос копирования информации с ЭНИ. В данном контексте разрешение законодателя на производство копирования следователем лично (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ) видится крайне рискованным допущением, поскольку непрофессиональные действия могут привести:

- к изменению метаданных (даты создания, доступа к файлам);
- к невозможности обеспечения доказывания подлинности скопированной информации;
- к повреждению данных.

Копирование информации должно производиться только специалистом с применением аппаратно-программных комплексов, обеспечивающих

создание криптографически верифицируемых образов (например, с вычислением хэш-сумм по алгоритмам MD5, SHA-1 и др.). Это единственный способ гарантировать, что полученная копия тождественна исходным данным, что является необходимым условием ее допустимости в качестве доказательства.

Также требуют урегулирования вопросы, связанные с изъятием информации из облачных хранилищ. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит процедуры для подобных действий, которые по своей природе являются не физическим изъятием носителя, а принудительным копированием данных, находящихся под контролем третьих лиц (ИТ-компаний). В этой связи необходимо разработать и закрепить в УПК РФ механизм выемки цифровых данных у провайдеров Интернет-услуг.

Завершая анализ вопросов, входящих в содержание третьей главы исследования, сформулируем следующие выводы и предложения.

Участие специалиста в производстве обыска и выемки трансформировалось из факультативного в фактически необходимое условие их эффективности и законности в условиях усложнения преступной деятельности.

Как представляется, назрела необходимость расширения перечня случаев обязательного участия специалиста, закрепленного в УПК РФ, включив в него ситуации, связанные с работой со сложными техническими устройствами, опасными веществами и большими массивами документов.

Регламентация работы с электронными носителями информации, содержащаяся в ст. 164.1 УПК РФ, нуждается в серьезном совершенствовании. Требуется легальное определение понятия «электронный носитель информации» (или, что представляется более содержательным и точным, замена такового на категорию «цифровой носитель информации»).

Необходимо также дифференцировать случаи обязательного участия специалиста при изъятии ЭНИ, отказавшись от универсального подхода, который в настоящее время обозначен в ст. 164.1 УПК РФ.

Обязательное участие специалиста требуется в случаях, когда изъятие сопряжено с:

- необходимостью отключения ЭНИ от действующей компьютерной системы или сети;
- извлечением компонентов (жестких дисков, модулей памяти) из корпусов технических устройств;
- риском повреждения данных или устройства при непрофессиональном обращении;
- работой с серверами, сетевыми хранилищами (NAS) и другим сложным сетевым оборудованием.

Как представляется, участие специалиста в сфере информационных технологий не должно быть обязательным при изъятии автономных, готовых к переноске устройств, изъятие которых не требует разборки или специальных технических манипуляций (например, изъятие отключенного ноутбука, телефона, флешки).

В этих целях следует дополнить ст. 164.1 УПК РФ новой ч. 2.1.

Также необходимо закрепить обязательное участие специалиста и использование специальных методик при копировании информации с ЭНИ для обеспечения неизменности и верифицируемости цифровых копий, а также разработать процедуру выемки данных из облачных хранилищ.

Заключение

Подводя итог рассмотрению вопросов, связанных с регламентацией производства обыска и выемки в рамках настоящей работы, можно сделать следующие выводы.

Как представляется, понятийный аппарат, связанный с обыском, нуждается в уточнении с учетом современных реалий общественного прогресса.

Институт исключительных случаев производства обыска в жилище без судебного решения требует серьезной законодательной доработки с целью исключения расширительного толкования и формального подхода.

В настоящее время видеозапись все чаще рассматривается не как факультативное, а как обязательное средство фиксации для всех следственных действий, связанных с принуждением. Применительно к производству выемки обязательная видеофиксация видится крайне полезной.

В этой связи, для минимизации подобных нарушений считаю необходимым:

- закрепить в УПК РФ исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут быть признаны исключительными, не терпящими отлагательства;
- ввести обязательную аудио- или видеозапись производства обыска в жилище без судебного решения, как дополнительную гарантию законности;
- установить, что бремя доказывания исключительности обстоятельств лежит на стороне обвинения, а любые сомнения толкуются в пользу признания обыска незаконным.

Также давно назрела необходимость четкого законодательного регулирования процессуального статуса «адвоката лица, в помещении которого производится обыск», упомянутого в ч. 11 ст. 182 УПК РФ.

Целесообразно внести изменения в УПК РФ, распространив на данного субъекта основные права защитника, предусмотренные ч. 1 ст. 53 УПК РФ, с определенными ограничениями (например, без права задавать вопросы до окончания обыска).

В целом же, исследование процессуального регулирования производства обыска, а также соответствующих научных суждений по данному вопросу, приводит к выводу о востребованности и эффективности обыска в практике расследования уголовных дел.

Обыск был и остается крайне востребованным и незаменимым следственным действием в практике расследования преступлений. Его востребованность предопределена уникальной доказательственной функцией: это единственное действие, позволяющее в принудительном порядке изыскать и обратить в вещественные доказательства предметы и документы, которые лицо умышленно скрывает от следствия.

Однако оценка его номинальной эффективности (то есть, эффективности, заложенной в самой процессуальной конструкции и тактических возможностях) неоднозначна, поскольку является производной от комплекса взаимосвязанных факторов.

В качестве фундаментального фактора, влияющего на эффективность обыска, можно назвать качество процессуальной регламентации и, что не менее важно, следование ему со стороны правоприменителя в лице следователя.

Любое нарушение процедуры (необоснованность, отсутствие судебного решения, когда оно требуется, нарушения при участии понятых, составлении протокола) ведет к признанию полученных доказательств недопустимыми. Таким образом, формальная эффективность (юридическая сила полученных в результате обыска доказательств) напрямую обусловлена соблюдением требований законности.

Второй важной составляющей эффективности производства обыска выступает уровень тактико-криминалистического обеспечения производства анализируемого следственного действия, что включает в себя:

- глубокую оперативную разработку, планирование с учетом психологии обыскиваемого, правильный подбор участников и технических средств;
- профессионализм и психологическую гибкость следователя, что может позволить распознавать уловки обвиняемого, оперативно менять тактику поиска, управлять психологической атмосферой;
- использование современных достижений науки и техники, о чём более подробно будет сказано в третьей главе данного исследования, посвящённого обыску и выемке.

Таким образом, реальная эффективность производства обыска на практике может варьироваться, что создаёт предпосылки для формирования кадров следственных органов из числа профессионалов, обладающих необходимым уровнем профессиональных знаний и практических навыков.

Выемка является самостоятельным и высокоэффективным следственным действием, ключевым признаком которого является отсутствие поиска и точная известность местонахождения изымаемого объекта. Соблюдение этого критерия – залог законности и обоснованности производства выемки следователем.

Смещение выемки и обыска представляет собой типичную процессуальную ошибку. Необходимо законодательно закрепить четкий алгоритм действий следователя на случай, если в ходе выемки выясняется, что точное местонахождение объекта не было известно, предусмотрев обязательное вынесение нового постановления о производстве обыска.

Институт добровольной выдачи требует разграничения с уголовно-правовой добровольной сдачей, что должно находить отражение в разъяснениях Верховного Суда РФ и практике правоприменения.

В контексте необходимости повышения гарантий прав граждан и объективности доказательств следует рассмотреть вопрос о введении обязательной видеофиксации производства выемки, особенно в случаях ее принудительного характера.

Следует отметить, что во многом эффективность производства обыска зависит от возможности использования следователем в ходе его производства современных технических средств, а также специальных знаний. С одной стороны, таковые могут быть применены непосредственно следователем, имеющим большой опыт работы в данном профессиональном качестве, а с другой стороны, следователь вправе привлечь к производству обыска, (а в отдельных случаях и выемки), специалиста.

Участие специалиста в производстве обыска и выемки трансформировалось из факультативного в фактически необходимое условие их эффективности и законности в условиях усложнения преступной деятельности.

Как представляется, назрела необходимость расширения перечня случаев обязательного участия специалиста, закрепленного в УПК РФ, включив в него ситуации, связанные с работой со сложными техническими устройствами, опасными веществами и большими массивами документов.

Регламентация работы с электронными носителями информации, содержащаяся в ст. 164.1 УПК РФ, нуждается в серьезном совершенствовании. Требуется легальное определение понятия «электронный носитель информации» (или, что представляется более содержательным и точным, замена такового на категорию «цифровой носитель информации»).

Необходимо также дифференцировать случаи обязательного участия специалиста при изъятии ЭНИ, отказавшись от универсального подхода, который в настоящее время обозначен в ст. 164.1 УПК РФ.

Обязательное участие специалиста требуется в случаях, когда изъятие сопряжено с:

- необходимостью отключения ЭНИ от действующей компьютерной системы или сети;
- извлечением компонентов (жестких дисков, модулей памяти) из корпусов технических устройств;
- риском повреждения данных или устройства при непрофессиональном обращении;
- работой с серверами, сетевыми хранилищами (NAS) и другим сложным сетевым оборудованием.

Как представляется, участие специалиста в сфере информационных технологий не должно быть обязательным при изъятии автономных, готовых к переноске устройств, изъятие которых не требует разборки или специальных технических манипуляций (например, изъятие отключенного ноутбука, телефона, флешки).

В этих целях следует дополнить ст. 164.1 УПК РФ новой ч. 2.1.

Также необходимо закрепить обязательное участие специалиста и использование специальных методик при копировании информации с ЭНИ для обеспечения неизменности и верифицируемости цифровых копий, а также разработать процедуру выемки данных из облачных хранилищ.

В общем и целом, процессуальная регламентация производства обыска и выемки представляется содержательной, однако законодателю необходимо стремиться к поддержанию соответствующего регулирования в актуальном состоянии, отвечающем потребностям общества и технологического прогресса. В этой связи, в действующем законодательстве, включая УПК РФ, следует отражать современные прогрессивные тенденции – в частности, вопросы, связанные с участием специалиста при производстве обыска и выемки.

Любые законодательные новации должны строиться на мнениях специалистов соответствующего профиля и «укладываться» в общую систему процессуальных норм, не создавая правовых пробелов и коллизий.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Ануфриева Н.А., Судакова А.И. Некоторые тактико-психологические особенности проведения обыска // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвузовской научно-практической конференции (Тула, 26 февраля 2013 года). М., 2013. С. 10-17.
2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Проспект, 2017. 525 с.
3. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М. : Велби, Проспект, 2008. 378 с.
4. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Учебное пособие. М. : МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. 187 с.
5. Герасимова Л.И. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий // Адвокат. 2005. №1. С. 24-26.
6. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. 259 с.
7. Еникеев М.И. Психология следственных действий. М. : ТК Велби, Проспект, 2008. 424 с.
8. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 63.
9. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. М. : Проспект, 2011. 216 с.
10. Закомолдин А.В. Проблемы определения критерия необходимости в привлечении специалиста при изъятии электронных носителей информации в уголовном процессе России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 1 (36). С. 9-13.
11. Зимин А.М. Криминалист в следственных действиях: учебно-практическое пособие. М. : Издательство «Экзамен», издательство «Право и закон», 2004. 144 с.

12. Иванов Н.А. Доказательства и источники сведений в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Наука. Общество. Государство, 2015. № 4. С. 18-25.
13. Исаева Л. Обыск: роль специалиста // Законность. 2001. № 6. С. 11-14.
14. Кальницкий В.В. Следственные действия. Учебное пособие. Омск, 2003. 72 с.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Консультант плюс: справочно-правовая система.
16. Лейнова О.С. Тактико-психологическое содержание подготовки и производства обыска в помещениях: монография. СПб., 2013. С. 24-30.
17. Луценко О.А. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы, связанные с проведением обыска // Криминалистика в системе уголовно-правовых наук: актуальные направления развития теории и практики: Материалы третьего Всероссийского «круглого стола». 20 мая 2011 года. Ростов н/Д, 2011. С. 68-75.
18. Манова Н.С. Уголовный процесс. Учебник. Ростов/н-Д, 2018. 398 с.
19. Мухиддинов А.А. Производство обыска следователем и проблемы, имеющие место в его осуществлении // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Материалы II Международной научно-практической конференции, Россия, г. Волгоград, 27 мая 2011 г. Волгоград, 2011. С. 217-220.
20. Мяззелец О.А. Компенсация морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными // Российский судья. 2024. № 3. С. 8-12.
21. Наметкин Д.В., Соколов Д.С., Афанасьев Е.В. Пробелы в нормах уголовно-процессуального законодательства, регулирующих порядок

производства обыска и выемки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 543-546.

22. Овчинников Ю.Г., Савченко В.А. Случаи, не терпящие отлагательства, при принятии решения о производстве обыска в жилище без получения судебного решения // Закон и право. 2018. № 11. С. 62-70.

23. Плотникова М.Е. Некоторые психологические аспекты проведения обыска // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Челябинск, 2014. С. 175-178.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7, июль, 2017.

25. Предварительно следствие: Учебник / Под ред. М.В. Мешкова. Ч. 2. - М., 2012. 181 с.

26. Резепов И.Ш. Уголовно-процессуальное право. Краткий курс. М., 2008. 176 с.

27. Россинская Е.Р. Проблемы современной криминалистики и направления её развития // Законность. 2013. № 2. С. 10-15.

28. Рыжаков А.П. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и выемка: основания и порядок производства: научно-практическое руководство. М. : Издательство «Экзамен», 2007. 189 с.

29. Рыжаков А.П. Обыск и выемка. Основания и порядок производства. М. : Дело и сервис, 2015. 240 с.

30. Свиридова Н.В., Балаян Э.Ю. Конституционные гарантии свободы слова в информационном обществе в условиях цифровизации // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 6. С. 32-38.

31. Сысенко А.Р. Участие специалиста в допросах и обысках, проводимых при расследовании преступлений по горячим следам // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 31-33.

32. Уголовное дело №1-178/17 // Архив Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти Самарской области.
33. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / под ред. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 2005. 720 с.
34. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.
35. Умярова Р.Р. Механизм реализации судебного контроля за отдельными следственными действиями: обыском и выемкой // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 154-160.
36. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.
37. Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.
38. Филиппова Н.В., Пашкова Е.П., Самарцева А.Е. К вопросу об изъятии электронных носителей в процессе производства следственных действий // Вопросы науки и образования. 2018. № 27 (39). С. 69-75.
39. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : НОРМА, 2009. 240 с.
40. Шрамченко А.В. Выемка: проблемы теории и практики // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Сборник научных трудов. Вып. 2. Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2004. С. 185-192.